

ПОЛЕМИКА

К. А. Рублев

ИЗ ОПЫТОВ ОТДАЛЕННОГО ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ IV. «ПОРА, КРАСАВИЦА, ПРОСНИСЬ! НЕ СПИ, ВСТАВАЙ, КУДРЯВАЯ!»: ПУШКИН И КОРНИЛОВ

Настоящая статья представляет собой четвертую часть цикла литературоведческих этюдов «Опыты отдаленного типологического сравнения», которые основываются не только на строго аналитических методах, но и на достаточно субъективных принципах свободного ассоциативного восприятия – основе герменевтического чтения. Предыдущие три части опубликованы в Вестнике Алтайской государственной педагогической академии: Гуманитарные науки. 2011. Вып.8. С. 78-84.

Ключевые слова: Пушкин, Корнилов, типология, герменевтика, пейзаж, дискурс, ассоциативный знак, микрорюжет.

К. А. Rublev

FROM EXPERIMENTS DISTANT TYPOLOGICAL COMPARISON. "IT'S TIME, BEAUTY, WAKE UP! DON'T SLEEP, GET UP, CURLY!": PUSHKIN AND KORNILOV

The present article is the fourth part of a cycle literary etudes "Experiences of the Remote Typological Comparison" which rely not only on strict analytical principles, but also on rather subjective principles of free associative perception which are the cornerstone of hermeneutical reading. The previous three parts were published in the Bulletin of the Altai state pedagogical academy: Humanities. 2011. Release 8. Page 78-84.

Key words: Pushkin, Kornilov, typology, hermeneutics, landscape, discourse, a suggestive mark, microfuge.

Да простит мне Господь могущую показаться кощунственной контаминацию строк великого Александра Пушкина и советского поэта Бориса Корнилова, о поколении которого современный критик безжалостно пишет: *«Из них вышел бы толк, овладей они хоть отчасти стиховой культурой. Но время вело к другому: Корнилова расстреляли; Прокофьев стал чиновником бесстыдным и одиозным < ... >, Саянов, самый интеллигентный из всех, < ... > чиновником стыдливым и пьющим, но вконец обессиленным творчески»* [Шубинский, 2000: 160].

Исследовательница русской литературы советского периода расширяет «списочный состав» этого поколения, сдержанно именуя его представителей «литераторами»: *«В начале 1930-х годов в советский литературный процесс вступило второе поколение литераторов – авторы 1900–1910 годов рождения. Среди поэтов этого поколения были М. Голодный, Б. Корнилов, Д. Кедрин, П. Васильев, А. Твардовский < ... >. Некоторые из них начали печататься раньше, но именно в первой половине 1930-х получили широкую известность»* [Чудакова, 2002: 246].

Но если Пушкин – каким бы трюизмом не звучало это утверждение – классик великой русской литературы, то перечисленные советские авторы – несомненные классики соцреалистической поэзии – явления не великого, но эпохального. Классиками советской литературы, бесспорно, являются устоявшие от конформизма и лишённые сервильности, а посему рано или поздно перемолотые системой, но оставшиеся в памяти потомков расстрелянные Б. Корнилов и П. Васильев, таинственно убитый Д. Кедрин, униженный и доведенный до преждевременной смерти А. Твардовский: *«Поистине, слишком любить свою эпоху куда опасней, чем от нее дистанцироваться ...»* [Быков, 2007: 441].

В культурно-историческом пространстве фигура Бориса Корнилова давно в одном ряду с Пушкиным. Начиная с «оттепельных» 60-х годов XX века, отношение к судьбе и личности поэтов его поколения формировалось по формуле, сознательно выстраиваясь «в соответствии с культурно-риторической моделью «гибели поэта», сложившейся в результате осмысления и мифологизации гибели А. С. Пушкина» [Весслинг, 2005].

Хотя формула эта родилась под пером литературоведа как объяснение феноменальной популярности в эпоху «серебряного века» Надсона – поэта действительно невеликого, если не бесталанного, – та же «культурно-риторическая модель» со всей поэтической убедительностью была воспроизведена Евгением Евтушенко в известной афористической строчке: «*Поэты в России рождались с дантесовской пулей в груди*».

Пушкинский шедевр давно и прочно вошел в школьную программу, и его хрестоматийные строки в памяти едва ли не у каждого – хотя бы клочком «*Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит...*».

Увы, принятая в школе «тематическая классификация [лирики], простая и удобная, но вряд ли удовлетворительная, оставляющая в стороне многие «смешанные» произведения» [Сухих, 2013: 47], а также адресация стихотворения школьникам 12-летнего возраста, накрепко «заперли» «Зимнее утро» в тематической рубрике «пейзажная лирика» и наложили негласное табу на любые другие трактовки и прочтения. И если школьнику простительно понимание пушкинского лирического шедевра как бесхитростной пейзажной зарисовки («И в каждой строчке пушкинского “Зимнего утра” ощущается призыв отправиться на прогулку, которая обещает массу незабываемых впечатлений. Особенно, если за окном простираются удивительные по красоте пейзажи – блестящая подо льдом река, припорошенные снегом лес и луга, которые напоминают белоснежное покрывало, сотканное чьей-то умелой рукой» [Анализ стихотворения Пушкина «Зимнее утро». Электронный ресурс, <http://pishi-stihi.ru/zimnee-utro-pushkin.html>], то безапелляционное утверждение, что в «Зимнем утра» нет «привычного иносказания, которое заставляет искать в каждой строчке потаенный смысл», заставляет за плечом ученика подозревать фигуру учителя, в профессиональном дискурсе которого сохранился рудимент соцреалистических догм, включая императив о неременной понятности искусства – для всех и для каждого.

Не только детское восприятие, обусловленное возрастной психологией (детское сознание неспособно проникнуть в психофизические бездны любовного чувства мужчины к женщине – поэтому школьное постижение этого поэтического текста скользит по его внешней, изобразительной стороне), заставляет «пропускать» совершенно избыточные и «непонятные» строчки в стихотворении Пушкина. Утрированно, со всей детской наивностью сформулирую читательские недоумения: почему *друг прелестный* оказывается невесть откуда взявшейся *красавицей*; почему думать приятно у *лежанки*, и почему красавица спит в чужой, по всей видимости, комнате, где герой по-хозяйски не дает ей насладиться минутами драгоценного утреннего сна?

Возможно, эти подчеркнута инфантильные вопросы могут показаться бестактными и неуместными, а ребенку в школе действительно ни в коей мере не стоит приближаться к сокровенному лирическому сюжету этого стихотворения – но взрослым-то, будь они педагогами, филологами ли, родителями – как отказать в счастье погрузиться в эмоциональную роскошь раскованной пушкинской поэтической мысли и глубину его лирического чувства?

То, что этот шедевр русской любовной (более того – страшно сказать! – русской *эротической*) лирики представляет собой *развернутую метафору*, точнее, развернутый *психологический параллелизм*, не замечают ни многоопытные учителя, ни искушенные филологи. Даже подойдя вплотную к подлинному лирическому сюжету «Зимнего утра» и отметив относительно пушкинской лирики, что «*композиция текстов здесь является аналогом ситуации психологического параллелизма*» [Аполлонова, 2002: 24-25], исследовательница остается в плену привычного пейзажно-природно-метеорологического взгляда на пушкинский текст: «*именно “Вечер, ты помнишь, вьюга злилась...” < ... > является причиной печали героини и соотносится с картиной зимнего утра*» [Аполлонова, 2002: 24-25], тогда как непогода – лишь метафора психологического состояния женщины, оставшейся наедине с мужчиной: неловкости, скованности, «зжатости».

Зато наутро ослепительная радость мужчины, проснувшегося после ночи с возлюбленной, метафорически взрывается строчками: «*Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит!*»!

Более того, «*призыв отправиться на прогулку*», сулящую массу пейзажных впечатлений и восторгов, вполне может – и должен! – быть прочитан как приглашение к путешествию вглубь души поэта и героя стихотворения. Действительно, необыкновенно прозрачное, ничем не замутненное изображение окрестностей (и лес *прозрачен*, и ель зеленеет *сквозь* иней, и речка видна *подо льдом*) заканчивается несколько загадочной строкой – про *берег, милый для меня*. Неужто это всего лишь берег той самой речки, что *подо льдом блестит*?

Берег, видимо, навсегда – со времен крымской ссылки – стал ассоциативным знаком любви в ландшафте пушкинской души. Достаточно вспомнить слова Пушкина из письма брату от 24 сентября 1820 г.: «любимая моя надежда – *увидеть опять полуденный берег* и семейство Раевского» [Цит. по: Тыркова-Вильямс, электронный ресурс, URL: http://thelib.ru/books/tyrkova_vilyams_ariadna/zhizn_pushkina_tom_1_1799_1824-read-22.html]. В этом же ряду аргументов, подтверждающих предположение о глубокой ассоциативно-психологической связи пейзажного образа берега с чувством любви в поэтическом сознании Пушкина – знаменитое лирическое отступление в романе «Евгений Онегин», полное неутоленной чувственной страсти и высокого эротического напряжения:

*Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!*

Не будем останавливаться на возможных, но чрезвычайно рискованных и уязвимых для целомудренной критики иносказательно-метафорических толкованиях строк стихотворения, в которых герой сначала предлагает «*кобылку* бурую запречь», а буквально тут же призывает возлюбленную: «Друг милый, предадимся бегу / Нетерпеливого *коня*». Позволим себе очень осторожно предположить, что эта «оговорка» не случайна, ведь тридцатилетнему дворянину и помещику, каким был Пушкин в 1829 году, не пристала такая небрежность в употреблении названий ездовых животных. Сошлемся на мудрое наблюдение В. Я. Проппа в анализе былины о Вольге и Микуле, который увидел посрамление аристократа Вольги богатырем-простолудином Микулой в эпизоде, где «*Вольга – человек военный и потому любитель и знаток лошадей*» [Пропп, 1958: 386] – попадает впросак, не сумев оценить и отличить кобылу от коня. Княжеское достоинство Вольги посрамлено словами мужика Микулы:

*Этая кобылка конем бы была,
Этой бы кобылке и сметы нет.*

В признании намеренного неразличения Пушкиным «бурой кобылки» и «нетерпеливого коня» кто-то увидит непристойную двусмысленность, кто-то – многозначность пушкинского слова и образа. Бог судья: герменевтические горизонты каждого в этом случае определяются мерой его испорченности ...

Написанное столетием позже стихотворение Корнилова, положенное на музыку Д. Д. Шостаковичем для одного из первых звуковых советских фильмов «Встречный», казалось, было обречено на еще большую популярность. Оно звучало с киноэкранов и из всех репродукторов еще четверть века после смерти автора – но титры или голос диктора цинично объявляли слова расстрелянного поэта «народными».

«Встречный» рассказывал о буднях пятилетки, о трудовой славе рабочего человека, об энтузиазме ленинградских металлистов, выдвинувших свой, «встречный» план» [Викторов В., Садовский М. Электронный ресурс, <http://www.norma40.ru>]. Увы, у современного читателя, особенно школьного и студенческого возраста, слово «встречный» вызывает ассоциации со словами «ветер», «поезд», «прохожий», но никак не со словом «план», и для понимания стихотворение-песня требует глубокого исторического комментария. Но браваурная музыка Шостаковича, сплавленная с энергичным текстом Корнилова, выражает тот экзотический энтузиазм начала тридцатых годов, который дает прикоснуться к себе только

в старых фильмах – «Встречный», «Трактористы», «Цирк», – и по которому тоскует издательски-ностальгический микст постмодерниста Кибирова, где «негативность не мешает < ... > любоваться явленной в его стихах красотой советского дискурса» [Немзер, 1993]:

*Толстоногая, спой мне, Орлова,
В синем небе над Красным Кремлем!
Спой мне, Клим в исполнении Крючкова,
Белозубый танкист-тракторист,
Спой, приветливый и бестолковый
В брюках гольф иностранный турист!
Покоряя пространство и время,
Алый шелк развернув на ветру,
Пой, мое комсомольское племя,
Эй, кудрявая, пой поутру!*

Кибировская картина лучезарного фасада советской действительности московского разлива не случайно венчается аллюзией к «Песне о встречном» Бориса Корнилова. Песня на его стихи надолго стала лирической эмблемой эпохи, на поверхности которой сверкали искренний оптимизм, всеобщее ликование, неудержимая радость и непоколебимая вера в светлое будущее!

Эмоциональной доминантой фильма, а следом за ним и песни, надлежало считать радость (по поводу трудовых свершений), еще раз радость (как квинтэссенцию трудового воодушевления), и еще раз за разом радость – как смысл и существо жизни.

Но причем здесь кудрявая, и кто она?

Современная исследовательница пишет о советской культуре 30-40 гг: «*Лирический акцент проступает и в характере музыки, и в стихотворных образах, порой вопреки заявленной патриотической или индустриальной теме (выделено мной – К.Р.). Главными репрезентантами этой лирической темы становятся женские образы:*

*Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река,
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?*

(«Песня о встречном», муз. Д. Шостаковича, сл. Б. Корнилова, 1932) [Раку, 2009: 189]

Рискнем предположить, что формула «лирический акцент» в цитированной статье – робкий эвфемизм застенчивой чувственности в советской поэзии, особенно – в массовой советской песне. Вспомним «Случайный (первоначально – *Офицерский*) вальс» Евгения Долматовского и Марка Фрадкина (1943 г.), где «оборонная тема» (*Утро зовёт / Снова в поход*) сплавлена с трепетной жаждой любви (*И лежит у меня на ладони / Незнакомая ва-ша рука*). Или еще более популярную песню «Темная ночь» Никиты Богословского на слова В. Агатова из кинофильма «Два бойца» (1943), где фронтовая тоска по любимой жене передана метонимически – но поэтому особенно страстно: «*Как я люблю глубину твоих ласковых глаз, / Как я хочу к ним прижаться сейчас губами ...*»

Но в корниловской «Песне о встречном» энтузиастическое ликование эпохи индустриализации не скрывает, а выражает оглушительную радость пробудившегося влюбленного:

*Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах, звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня!
И радость поёт, не скончая,
И песня навстречу идёт,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встаёт!
Горячее и бравое бодрит меня ...*

Ослепительное солнце встающего дня в стихах Бориса Корнилова оказывается художественным эквивалентом блестящего на солнце снежного покрова в пушкинском стихотворении: восторг от пробудившейся природы и ликование страны, *со славою встающей*, в равной степени служат метафорой любовной страсти в лирическом микросюжете стихотво-

рений, разделенных столетней дистанцией – но объединенных могучим, высоким и вечным чувством любви.

P.S. Намедни излагал идеи этой статьи в лекции на курсах повышения квалификации учителей-словесников. Пафосом лекции была идея о необходимости восстановления утраченного ныне профессионального навыка герменевтического чтения – чтения художественной литературы с целью и на основе самостоятельного постижения духовных смыслов, их извлечения непосредственно из художественного текста, а не из методических пособий, «критики», учебников, предисловий и т. д.

У проблемы дефицита герменевтической самостоятельности в профессиональном дискурсе современного учителя-словесника при общении с художественным текстом есть и вторая сторона. Она заключается в том, что множество учителей не покидает уверенность, что существует некое единственно «правильное» понимание литературно-художественного произведения, а задача школьных уроков – привести обучаемых к его «усвоению».

Учительская аудитория внимала с некоторым смущением, но благожелательно. Увы, одна из коллег, с бдительным лицом настоящего советского педагога, не преминула язвительно задать вопрос: «А где это Вы такое вычитали?». Где-где, сам Пушкин так написал ...

И понял я, что профессиональный дискурс – цитадель непоколебимая, что наскоком его не модернизируешь, и что Гоголю в его знаменитой фразе о великом поэте надо было бы добавить еще лет 100: со времен Пушкина минуло 200 лет, а русский человек в своем развитии пока не явился ...

Библиографический список

1. Анализ стихотворения Пушкина «Зимнее утро» // PishiStihi [Электронный ресурс]. – URL: <http://pishi-stihi.ru/zimnee-utro-pushkin.html>. (04.10.2014).
2. Аполлонова, А.В. «Время» в мотивной системе лирики А.С. Пушкина 1820-х годов / А.В. Аполлонова // Филологические науки. – 2002. – №5. – С. 24-25. Цит. по: Тыркова-Вильямс, А. Жизнь Пушкина. Том 1. 1799-1824 (из серии Жизнь замечательных людей) / А. Тыркова-Вильямс The Lib.Ru: электронная библиотека. – URL: http://thelib.ru/books/tyrkova_vilyams_ariadna/zhizn_pushkina_tom_1_1799_1824-read-22.html. (04.10.2014).
3. Быков, Д.Л. Борис Пастернак / Д.Л. Быков. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 893[3] с. – 6-е изд. – (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 1050).
4. Викторов В., Садовский, М. История создания «Песни о встречном» / В. Викторов, М. Садовский // Проект «Песни советского человека». – URL: <http://www.norma40.ru>. (04.10.2014).
5. Весслинг, Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: «образцовая травма» и канонизация поэта «больного поколения» // Р. Весслинг // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 5 (75). – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html> 122-153/(04.10.2014).
6. Немзер, А. Двойной портрет на фоне заката / А. Немзер // Знамя. – 1993. – №12. – С. 183-193.
7. Пропп, В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – М. : ГИХЛ, 1958. – 603 с.
8. Раку, М. Поиски советской идентичности в музыкальной культуре 1930-1940-х годов: лиризация дискурса / М. Раку // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6 (100). – С. 184-204. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ra15.html> 184-204
9. Сухих, И.Н. «О, Вы!», «Увы...» и «Ах...»: Лирические жанры / И.Н. Сухих // Литература (Первое сентября). – 2013, ноябрь. – С. 47.
10. Чудакова, М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени / М.О. Чудакова // Новое литературное обозрение. – 2002. – №58 (6). – С. 223-259.
11. Шубинский, В. Семейный альбом (заметки о советской поэзии классического периода) / В. Шубинский // Октябрь. – 2000. – № 8. – С. 150-168.